

ЛЕТНИЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

Татьяна **УСТИНОВА**

Ольга **ВОЛОДАРСКАЯ**

Анна и Сергей **ЛИТВИНОВЫ**
и другие :-)

Великолепные детективные истории

Наталья Александрова

Летние детективные истории

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Летние детективные истории / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2020 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-112169-3

Лето – лучшее время в году: ласковое солнце, теплое море, сочные фрукты, экзотические цветы и, конечно, долгожданный отдых. Ваш отпуск станет незабываемым, если вы возьмете с собой интересную книгу! Для сборника «Летние детективные истории» Татьяна Устинова, Ольга Володарская, Анна и Сергей Литвиновы и другие популярные авторы написали остросюжетные рассказы, действие которых происходит знойным летом!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112169-3

© Александрова Н. Н., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Ольга Тарасевич	6
Дарья Калинина	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Коллектив авторов

Летние детективные истории

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Ольга Тарасевич

Украденное лето

Я лежу на крыше. Жгучее солнце щедро прокаливает каждую клеточку моего тела. Терпко пахнет расплавленным битумом, загазованным московским воздухом и голубиным пометом. Птицы гадят где попало, поэтому, прежде чем расстелить плед, мне приходится особенно внимательно смотреть по сторонам.

Бутылка с минеральной водой, пачка печенья, стопка книжек. И так – каждый день, с утра до вечера – я готовлюсь к вступительным экзаменам в театральный институт.

Готовлюсь и немного побаиваюсь уборщицу из нашего подъезда. Она у нас бдительная – вдруг заметит, что дверью, ведущей на чердак, пользуются? Я сделала гнусность – сбила старый замок, повесила новый (по виду точно такой же), и теперь только у меня есть ключ от ярких солнечных прожекторов. Впрочем, что делать летом на крыше коммунальщикам? Зимой они убирают снег и скалывают сосульки, а теперь, в июле, мое мелкое хулиганство вряд ли имеет высокие шансы быть раскрытым. В общем-то, мне не стыдно за такую самостоятельность. Обожаю лето, обожаю загар. Смуглая кожа особенно хороша. Но дело не только в эстетике. Мне нужен ультрафиолет как воздух, я готова жариться на солнце часами. Жадно впитывая тепло, я, словно аккумулятор, заряжаюсь неимоверным количеством энергии. Солярий – ерунда, это как цветок через противогаз нюхать. Нет ничего лучше яркого солнечного света!

В такие июльские дни наша семья всегда выезжала на море. Всего лишь Сочи, не очень комфортабельная гостиница, – но это был единственный шанс для моего отца-режиссера и мамы-актрисы забыть о своих съемках. Наше семейное «место встречи изменить нельзя» – это кинофестиваль. Две беззаботные недели, и волосы пахнут морем, губы всегда немножко соленые, а свежий шоколадный загар пощипывает плечи. Теперь мне кажется, что я не ценила своего счастья, ворчала, бурчала. На кинофестивале все так активно дегустировали местные вина, что на пляже уединиться было невозможно, рядом всегда нарисовывалась какая-нибудь звезда, которую тянуло к коммуникации с чадом известных родителей. А я уставала от актерской братии еще в Москве и хотела просто греться на солнышке. И, кстати, по-моему, даже в самом сопливом младенчестве не чувствовала себя маленькой. Первое воспоминание детства – ослепительно красивая мама, гримерка, я реву, потому что мне хочется поиграть с костюмами, а мамуля негодуя поднимает брови: «Марина, что за поведение, ты уже большая девочка!»

Я быстро привыкла к тому, что по жизни являюсь априори взрослой. И привыкла к нашим поездкам в Сочи. Но в этом году родители дружно решили: никаких фестивалей, ребенок готовится к вступительным экзаменам, надо сосредоточиться перед предстоящими испытаниями. «Не хватало еще, чтобы ты с треском провалилась!» – истерила вечно вызывающе красивая мамуля. Журналисты окрестили ее «российской Шэрон Стоун», но мне кажется, что мама намного красивее голливудской кинодивы. «Мариночка, к детям известных родителей всегда особо пристальное внимание. Пожалуйста, постарайся нас не подвести», – тихо говорил папа, ероша светлые, торчащие в разные стороны кудряшки. Мой папка похож на внебрачного сына Пьера Ришара, и в обычной жизни он – тихий, спокойный человек. Но, видя его на съемочной площадке, я понимаю, что под вежливой папочкиной личиной скрывается настоящий монстр, который орет, судорожно размахивает руками и выдает такие трехэтажные нецензурные конструкции, что уши сворачиваются в трубочку.

Итак, на «Кинотавр» мы в этом году не поехали. Мамуля укатила в Минск, где на базе «Беларусьфильма» клепаются очередное российское телевизионное мыло. Папка снимает для РТР серьезное историческое кино и неделями зависает в Сергиевом Посаде. А я загораю на крыше, учу письмо Татьяны к Онегину и отрывок из Льва Толстого для творческого конкурса.

Вечером ко мне приходят педагоги по балльным танцам и сценическому мастерству. Не знаю, правда, зачем мне репетиторы. Все-таки, как говорится, гены пальцем не выколупаешь, я, похоже, прирожденная актриса. Первый раз снималась еще в пеленках, потом был «Ералаш», а в последние годы я вообще чаще оказывалась на съемочных площадках, чем в школе (поэтому в аттестате у меня ужасные оценки, только за русский язык и литературу не стыдно). Впрочем, репетиторы так репетиторы. Я стараюсь не расстраивать родителей, они и без моей помощи часто оказываются в трясине мрачной депрессии, и тогда дома пахнет вином и сигаретами, мама плачет, отец молча слоняется по комнатам. Творческие люди – они реально такие ранимые...

– Я к вам пишу! Чего же боле? Что я могу еще сказать? – шепчут мои губы, и я невольно забываю о родителях, лете, предстоящих экзаменах.

Пушкин – гений, гений! Сколько лет назад писались эти строки! Простые незамысловатые слова. Только сама душа кровоточит ими.

Ничего больше нет...

Лишь девушка, охваченная пламенем первого чувства.

Лихорадочно стучит сердце, сбивается дыхание, я признаюсь в любви, мечусь от страха к счастью, умираю, воскресаю.

– Теперь я знаю, в вашей воле меня презреньем наказать. Но вы, к моей несчастной доле...

Солнце, клетчатый плед, запах битума.

Какую-то секунду я недоуменно оглядываюсь по сторонам, а потом понимаю: телефон. Звонит-разрывается.

– Марина, ты где? Мне надо срочно с тобой поговорить!

Марина? Собственное имя и мамин голос окончательно отрезвляют меня, выводят из образа пушкинской Татьяны.

– Мамуль, я как всегда. Сажу на крыше, к экзаменам готовлюсь. Два дня ведь осталось. А в чем дело? Что-то случилось?

– Случилось! – всхлипнула мама. – Марш домой!

Я быстро закидываю книжки в пакет, складываю плед и лечу к окошку, через которое выбираюсь на крышу.

Чердачный полумрак. Никаких подозрительных звуков, только лифт гудит где-то внизу.

Ловко просунув руки через прутья решетки, я щелкнула замком, потом закрыла свой персональный пляж и помчалась вниз по ступенькам.

Еще в прихожей меня едва не сбил с ног отчаянный густой запах валокордина.

О господи! Мама в спальне, зарылась лицом в подушку, рыдает, как ребенок.

– Мамочка, не плачь. Ну все, прекрати! Что, опять очередная морщинка? Давай я позвоню твоей косметичке, она придет и подколет тебе ботокс. А если тебе какая-нибудь дура-актрисулька сказала, что ты поправилась, то это вообще фигня. Ты у меня стройна, как кипарис.

– Ты думаешь?

Мама перестала всхлипывать и слабо улыбнулась. Говорю же, все актеры – большие дети.

Опять двадцать пять, снова рыдает...

– Мариночка, это ужасно. Я только приехала. Вышла из поезда. И тут ко мне вдруг бросилась цыганка.

– У тебя что-то пропало?

– Нет. Думаю, что нет. Но она... ты бы видела ее глаза, черные, страшные... так и сверкают из косматых волос, чистая ведьма! И она все про меня знала.

– Мать, про тебя все знают малейшие подробности. С нашей желтой прессой это неудивительно. Успокойся.

– Марина, она... это была не поклонница, нет. И я не думаю, что она меня узнала. Она прошла мимо меня... А потом вернулась и сказала, что я замужем, у меня есть дочь, которая готовится к вступительным экзаменам.

Я хмыкнула:

– Надо же, какая проницательность. Да вы с папкой во всех интервью говорите, что я пойду по вашим стопам. И я рассказываю журналистам то же самое.

Мама откинула назад длинные светлые волосы и вздохнула:

– Я думаю, такие люди, как та цыганка, вообще не читают газет.

– Телевизор все смотрят! Мам, что ты расстраиваешься? Ну узнали тебя. Или цыганка оказалась провидицей, в чем я лично очень сомневаюсь. Но все же в порядке!

По щекам мамы снова заструились слезы.

– Ты меня все время перебиваешь. Она сказала, что если ты в этом году не поступишь в институт, то тебя ждет... смерть.

Я натянуто рассмеялась:

– Тогда я буду жить вечно. Мне кажется, что даже если я завалю все экзамены, меня все равно зачислят. С одной моей фамилией место в списке студентов мне обеспечено. Мамуль, а ведь я же еще и талантливая!

Я утешала маму, но на душе у меня скребли кошки. Актриса – она сейчас утрет Ниагару слез, сделает освежающую маску и вечером будет ослепительно улыбаться со сцены театра. Но только я знаю, что еще долго мамуля будет переживать всю эту историю. Актеры – очень суеверные люди. Мама боится черных кошек; сходит с ума в пятницу, тринадцатого; никогда не возвращается домой, даже если забыла зонтик, а на улице хлещет проливной дождь. А тут – цыганка, предсказание, да про любимую доченьку...

– Мамка, а хочешь, я за мороженым сбегаю? – пробормотала я, с тревогой вглядываясь в огромные мамины глазищи. В них кипел совершенно непонятный мне ужас... – Или за тортиком? Хочешь торта?

– Мороженое. Фруктовое. Смотри не перепутай, а то схватишь шоколадное, лишние калории мне ни к чему. И возьми ключи – я приму душ, а потом сделаю огуречную маску. Не идти же в театр с такими отеками.

– Мама, – я старалась говорить максимально уверенно, – все будет хорошо. Цыганка та – полная дура. Я без проблем сдам экзамены.

– Действительно. Но по мороженому мы с тобой все равно слопаем. Сколько той жизни! У тебя деньги есть?

– Я все на книжки потратила. Полное собрание Довлатова, я его обожаю...

Ворча, что дома уже повернуться негде из-за моих книг, мама соскользнула с постели, достала из сумочки пару купюр и, отвернувшись к окну, начала стягивать коротенькое джинсовое платице.

Честно говоря, не знаю, почему мамуля все время придерживается диеты. У нас один размер, и иногда мы заимствуем друг у друга брючки и футболки. Но на всякий случай мамочка не дает ни малейшего шанса даже небольшой складочке испортить свою тонюсенькую талию.

Конечно, я выиграла в забеге к душу. Но мамуля абсолютно не расстроилась. Она едва успела заварить себе травяной чай (никакого ароматного «ерл грей», который я так обожаю, а кофе – это вообще с точки зрения мамки злейший враг лица), как я уже успела ополоснуться, надеть свежий топ и выскользнуть за дверь.

Почему-то летом с моих губ не сходит улыбка.

Как же я люблю эту жару, раскаленный дрожащий воздух, сочную зелень! Не знаю, почему некоторые люди ворчат из-за духоты или яркого солнца. У меня зимой такое чувство, что я сплю, а не живу. Только лето наполняет меня силами, планами, идеями и таким бесшабашным легким счастьем. Конечно, теперь я вынуждена готовиться к экзаменам. Но это не так

обидно, как с утра до вечера проводить летние деньки на съемочной площадке. По крайней мере, пусть и обложившись книгами, я могу загорать...

Дальнейшие события произошли в считанные секунды. Я даже толком не успела ничего сообразить.

Впереди уже виднелся магазинчик, в котором мы всегда покупаем продукты. Но вдруг возле кромки тротуара притормозила машина. Это уже потом я поняла, что с пассажирского сиденья выскочил парень и рывком бросил меня в салон. А в первые секунды я просто никак не могла осознать, как же очутилась в чужой машине...

* * *

– Рыжая, ты неотразима! Вот смотрю я на тебя и жалею, что в жены не взял!

Судмедэксперт Наталия Писаренко только хмыкнула на замечание своего соседа по кабинету. Достав из пакета белоснежный отутюженный халат, она, нимало не смущаясь восторженного взгляда Вадима, расстегнула блузку, повесила ее на спинку стула, быстро набросила халатик, потом стащила легкие льняные капри. И, поправив россыпь огненных локонов, хмыкнула:

– Жалеешь ты, алкоголик старый! Тебе бы не жениться – с водкой завязать для начала. И вообще, меня нервирует твоя девка!

Наталия кивнула на шкаф, где красовалась голова манекена в белоснежном парике, и саркастично заметила:

– Вечно ты всякую дрянь на работу притащишь!

– Ничего она не дрянь. Она моя любимая женщина. Идеальная! Все время молчит и улыбается.

Наталия уже собиралась ехидно напомнить, что, когда слегка выпивший Вадик гулял со своей «женщиной» по морговским коридорам, впечатлительная барышня-следователь, решив, что эксперт мило беседует с настоящей человеческой головой, рухнула в обморок. Но коллега издал такой горестный вздох, что Писаренко прикусила язык. Видимо, бодун – штука тяжелая, на Вадике лица нет. Ему бы дома валяться, рассол хлебать. А сейчас придется – вперед и с песнями – к секционному столу, где, может, предстоит вскрывать трупов десять-пятнадцать. Сейчас же лето. А эксперты – тоже люди и ужом вертятся, норовят в солнечные деньки оказаться не в секционной, а на пляже. А тем, кто не успел и опоздал с заявлением на отпуск, приходится отдуваться по полной программе. Летних каникул в морге, увы, не бывает. К валу криминальных трупов летом добавляются утопленники (хорошо, если «свеженькие», а то привезут гнилых да зеленых, даже у привычных ко всему экспертов от вонищи голова кругом). Впрочем, хрен редьки не слаще – зимой народ особо не тонет, зато обмораживается. Так что покой здесь только снится...

– Ну что, пошли работать? – Наталия подхватила кряхтящего Вадима под руку и, стараясь отворачиваться, чтобы вдохнуть воздух (перегаром несло жутко), вытащила коллегу из кабинета. – Да что ты еле ноги передвигаешь?

– Устал...

– Пить надо меньше!

– А как не пить?! – пошатываясь, простонал Вадим. – У меня вчера дежурство было. Посреди ночи поехали на Москва-реку, сказали, утопленник. Приехали – елки-моталки, аккумулятор посередине реки лежит, зацепить и к берегу подтащить нереально. Следователяша молодая, плачет: «Я в воду ни ногой, трупов боюсь». Криминалист водичку попробовал – а она холодная. «Не полезу, – говорит. – Простужусь, а у меня ребенок маленький. Давай, Вадик, ты у нас одинокий, плыви, попутного ветра, старик». А вода ледяная! Прикинь – на улице жара, а река холодная.

– Так жара всего пару дней. А до этого дожди были. И что, ты полез за утопшим? – поинтересовалась Наталия, кивая знакомым санитарам, уже развозящим на тележках трупы по секционным. – Искупался?

– Полез! А что было делать? Но блин, когда я, замерзший как собака, приволок труп к берегу, знаешь, что оказалось? Что это манекен! Пластиковый! Я еще в реке понял, что «тело» какое-то очень уж твердое. Окоchenение окоchenением, но не до такой же степени!

Наталия рассмеялась:

– Везет тебе на манекены! А как он там оказался?

– Учения были у спасателей вроде. Манекен течением унесло, они его искать не стали. А ночью бдительные граждане «тело» в воде заметили и в милицию позвонили. Так что я просто должен был после такого согреться!

Когда Наталия вошла в секционную, игравшая на губах улыбка сразу же погасла.

Твою мать! Несложно догадаться, что вот этот изрезанный на кусочки мужчина ждет именно ее... Другие-то эксперты – Писаренко прищурилась, разглядывая работающих коллег, – выбрали себе трупы попримечнее, здесь огнестрел, всего одна дырка; там скоропостижка, похоже, внешних повреждений на теле вообще не видно. А вот этот «бефстроганов», где одно описание ран придется полдня делать, – конечно же, опоздавшей на работу Писаренко.

Покрутив пальцем у виска (санитар, дурачок, уже с пилой к черепу метнулся. Видать, из новеньких, еще не знающих, что перед вскрытием надо описать внешние повреждения, а это дело долгое с таким количеством ранений), Наталия подозвала лаборантку. И, измеряя многочисленные порезы, задиктовала результаты наружного исследования.

– Бедный... Кто ж его так? – пробормотал переминающийся с ноги на ногу санитар.

Наталия недоуменно покосилась на парня. Точно, новый – вон какая рожа зеленая, не привык, мутит еще. И нашел кому сочувствовать – труп хоть и изрезанный, а все равно видно: руки, плечи, пальцы – все в наколках. Бандюган чистейшей воды, наверное, не поделил чего-то с друзьями. Чего таких жалеть? Вот вчера был подросток, которого наркоманы за пару сотен убили, – того жалко. По глупости погибших когда доставляют – тоже сердце сжимается. Может, классик знал, что говорил, кирпичи, доскаты, ни с того ни с сего на голову не падает. А только здесь, в морге, дико видеть двадцатилетнюю девчонку, которой куском трубы полчерепа снесло.

В кармане халата Наталии запиликал сотовый, но эксперт, перекрикивая мелодию, продолжила диктовку.

Знаем мы это дело. Наверное, следователь уже трезвонит. С риторическим вопросом – не мог ли потерпевший сам себе нанести эти условные 153 ножевых ранения. Это ведь только в книгах следователи все из себя такие герои, которых хлебом не корми, дай только преступника изловить. А в реальной жизни эта братия эксперта до полубоморочного состояния доведет, пытаясь найти причину, чтобы дело уголовное не возбуждать. Чего следователи только не придумывают, чтобы свою работу не делать, – и самостоятельно неоднократно напоротившиеся на нож покойники, и якобы самоубийцы, изрешетившие себя пулями. Хотя... как-то слишком уж долго заливается телефон.

Стянув уже чуть испачканные кровью перчатки, Наталия достала мобильник. Когда она увидела высветившийся на экране номер, ее брови изумленно шевельнулись.

Этой-то что надо? Актриса Екатерина Воронкова. Был период, жили в одном доме. Потом актерско-режиссерская семья переехала в квартиру попросторнее, уже года три ни слуха ни духа, как говорится, не было.

– Наташа, это ужасно. Марина пропала! – запричитала, всхлипывая, Воронкова. – Она за мороженым пошла, два шага от нашего дома. И до сих пор не вернулась, мобильник отключен.

– Кать, не истери, – посоветовала Наталия, краем глаза наблюдая за работой коллеги. Похоже, смерть лежащей на соседнем столе женщины наступила от миокардиодистрофии с развитием острой сердечной недостаточности и отека легких. – Что, девочка загулять не могла?

– Не могла! У нее экзамен послезавтра, она готовилась!

– Кать, она, может, просто подругу встретила. Или решила поехать в институт что-то узнать. Успокойся! Марина – очень серьезная девочка, и ничего экстраординарного с ней произойти не может. Ты только в милицию не беги. Они все равно заявление не примут.

– Знаю. Я уже звонила участковому. Он сказал, что только через несколько дней начнет искать. А у меня спектакль вечером. Не знаю, что делать, места себе не нахожу. Слушай, помоги нам! Мне больше не к кому обратиться! Вася на съемках. Да и толка от него ноль, он сам только голову пеплом посыпать в таких ситуациях может.

– Иди в театр. Успокойся. Что я, Маринку не знаю?! Кать, ты меня извини, но ты какая-то сумасшедшая! Чуть что – сразу паникуешь.

Чем больше Наталия успокаивала бывшую соседку, тем больше та расстраивалась.

Нехорошие предчувствия.

Страшное предсказание жуткой цыганки.

И вообще, сколько вокруг криминала сегодня!

Голова у Наталии стала просто раскалываться, и она не выдержала, перебила излишние соседки:

– Кать, у меня работы выше крыши. Позвони мне после спектакля, когда ты найдешь свою дочку и тебе самой будет смешно от своей истерики!

Эксперт сунула телефон в карман, достала новую пару перчаток и сразу же забыла о странном звонке.

«Отстреляться» со вскрытиями в первой половине дня не получилось. До самого вечера не было никакой возможности выйти из секционной. Наталии казалось, что это все никогда не закончится – новое тело, диктовка, изучение органокомплекса, забор жидкостей и тканей для лабораторных исследований.

А оформлять экспертизы? Или просто перекусить, в конце концов, что, эксперты не люди?..

Но когда Наталия наконец опустилась на сиденье своего автомобиля, предвкушая скорое возвращение домой и поедание обеда вкупе с ужином (у мужа выходной, он уже, наверное, картошечку пожарил, а какие у Ленки отбивные получаются – м-м-м, пальчики оближешь), на экране сотового вдруг высветился номер Воронковой.

– Марину похитили. Мне только что звонили похитители. Они сказали, что убьют девочку, если я пойду в милицию. Что делать? Что делать? – рыдая, стонала Катя. – Почему именно моя дочь? Почему она?

Наталия вздохнула.

Милиция? Было бы смешно, если бы не было так грустно. Ближе к вечеру в морг привезли кучку костей, изъеденных кислотой. К ним прилагались отрезанные мужские половые органы, даже еще без следов гнилостных изменений. Похоже, какой-то маньяк просто оскотил жертву, а потом уничтожил тело, за исключением гениталий. И какой вопрос адресовал следователь на разрешение эксперту? «Могут ли обнаруженные кости принадлежать животному?» Да сами они... животные! А ведь начальный курс анатомии проходили, отличать человеческие кости обучены. И мужской член, опять-таки, идентификации помогает. Но, похоже, в следственных отделах сами костями лягут – только бы задницу от стула лишний раз не оторвать...

Смогут ли менты найти пропавшую Маринку? Вопрос спорный. Только одно очевидно – никакого доверия к ним нет. Кто-нибудь – не участковый, так опер или следователь – обязательно даст знать репортерам. Пропажа ребенка известных родителей – горячая тема для любой газеты. Криминальные репортеры такую информацию щедро оплачивают. Нет, шила в

мешке не утаишь, слишком высок риск, что поднимется шумиха в СМИ. А если похитители убьют Маринку, ответ будет один: «Мы старались, делали все возможное, но мы же не боги...»

Нет, не надо. Жизнь ребенка – это слишком высокая ставка, проигрыша в этой опасной игре, которую затеяли преступники, быть не должно.

– В милицию не ходи. Я скоро приеду, – устало выдохнула Наталия и завела двигатель.

* * *

«Не сказать, чтобы наша творческая интеллигенция особо роскошествовала, – решила Наталия, подъезжая к обычной панельной многоэтажке на Каширском шоссе. – Впрочем, конечно, в сравнении с прежней квартирой тут жилье попросторнее. В нашем доме семья Воронковых жила в «двушке», а Марине всегда хотелось свою комнату...»

Припарковав машину, Писаренко прищурилась, разглядывая номера подъездов, и бегом направилась к нужному.

На душе скребли кошки.

Воронковы – приличные, отзывчивые люди. Трудяги, каких свет не видывал. Марина – умница. И вот – такая беда...

Даже горе, выбелившее лицо Кати, не сумело испортить красоты актрисы.

Сбрасывая босоножки, Наталия невольно залюбовалась огромными голубыми глазами, высокими кошачьими скулами, копной длинных светлых волос.

Похоже, Катерина находилась под воздействием успокоительных препаратов. Ни слезинки уже не было в ее глазах. Она прошла на кухню, села на диванчик и безучастно, как робот, приступила к рассказу:

– Похитители позвонили чуть больше часа назад. Разговор был коротким. Они сказали: «Не волнуйтесь. Марина у нас». Я, конечно, сначала онемела, вообще не понимала, о чем мне говорят. Потом стала орать: «У кого это у нас?!» Эти ублюдки не стали ничего отвечать на этот вопрос. Следующие предложения: «Ребенка вам вернут через пару недель. Но если вы пойдете в милицию, Марина умрет». Все. Положили трубку.

Невольно разглядывая симпатичную посуду и хитрую кухонную технику (Катя сама, кажется, ничего не ела вообще, но готовить обожала и мужа с дочерью кормила на убой, когда время позволяло), Наталия забарабанила пальцами по столу.

Похоже, все не так уж и плохо.

Есть одна очень важная деталь.

Похитители не сказали ни слова про выкуп.

Конечно, может быть, они потом еще перезвонят. Но все-таки полтора часа – достаточный срок для того, чтобы добраться до другого таксофона и заявить о том, сколько требуется денег. Это не тот вопрос, про который можно забыть...

– Голос был мужским? – поинтересовалась Писаренко и уточнила: – Про выкуп ведь не говорили, я правильно поняла?

– Про выкуп? Нет... Я даже не сообразила. А ведь точно – людей похищают для выкупа! Голос – мужской, приглушенный. Слышимость была не очень хорошей. Я невольно подумала, что этот урод из подвала звонит, где он держит мою бедную доченьку... Я разговаривала – если эти пару секунд можно назвать разговором – только с одним мужчиной. Но он говорил «у нас». И я решила, что похитителей несколько.

– Кать, а ты не могла кому-нибудь очень сильно насолить? Ты или Вася? Вспомни, кому вы дорогу перешли!

– Ты думаешь, Марину похитил кто-то из наших? – актриса вскочила и нервно заходила по кухне. – Наташ, ты ведь знаешь киношную среду. Серпентарий единомышленников. В глаза улыбаются, за глаза в лучшем случае шипят или подлунку подкладывают. Конечно, мой муж

другим режиссерам как кость в горле. Денег в кино поменьше стало, кризис, многие без работы сидят, а Вася всегда востребован, постоянно при деле. Меня, конечно, уже давно безо всяких кастингов приглашают. Но таких актрис тоже несколько десятков. Да я сама часто думаю: «Почему позвали не меня, а ее, она же старая вешалка». Так что конкуренток у меня более чем достаточно. Но похищение ребенка... Мне кажется, это что-то запредельное!

– То есть явных конфликтов с коллегами не было? И угроз тоже?

– Нет.

– А если поклонники? Среди твоих поклонников есть психопаты, которые способны на такой поступок?

Катя растерянно пожала плечами:

– Не знаю. До недавних пор ничего такого не случалось. Мне поклонники цветы дарят и плюшевые игрушки. Очень мило с их стороны, я радуюсь таким знакам внимания. А если замуж зовут... то как-то без угроз... Дескать, я вас, конечно, не достоин, но если вам одиноко, то буду рад стать вашим спутником жизни... Мне кажется, все в рамках приличия. Впрочем, последний раз мне такое письмо пару лет назад приходило. Не связано это с похищением Маринки, я чувствую, не связано. Вот только если?.. Впрочем, нет, глупости. Не стоит даже думать об этом. Вечно я напридумываю всякой ерунды.

– Вот с этого места попрошу поподробнее! – Наталия перегнулась через стол, выхватила из губ актрисы сигарету и ловко ее сломала. – И не надо забивать свои легкие никотиновыми смолами!

Воронкова кивнула на дверь:

– Пошли к Маринке.

Наталия послушно последовала за приятельницей, вошла в просторную идеально убранную комнату и невольно вздохнула. Личные апартаменты девочки выглядели очень уж серьезно – книги, велотренажер, современный ноутбук с большой диагональю, репродукции Ван Гога на стенах.

– Комната твоей дочки похожа на рабочий кабинет хронического зануды, – заметила Писаренко, подходя к полке с фотографиями.

– Что ты, она совсем не зануда. Просто ей нравится учиться, развиваться, думать. Но иногда она ходит в ночные клубы. И мальчик у нее есть.

Наталия взяла фотографию, на которой Марина, счастливо улыбаясь, прижималась к высокому симпатичному brunetu лет двадцати пяти.

– Этот, что ли? Ничего так. Со вкусом у девочки все в порядке.

– Витя – очень хороший. Но...

Наталия вопросительно вскинула брови, и Катя развела руками:

– Раньше Витя встречался с Мариной подругой Настей. На вот, смотри, – Воронкова вытащила с полки альбом, зашелестела страницами, – вот Настина фотография. Обычная простая девушка. А Маринка...

Эксперт понимающе кивнула. Дочь – полная копия своей матери. Внешность оглушительно красивая. Не потерять голову и от Кати, и от Марины невозможно. Красота Кати Воронковой, кстати, стала одной из причин, по которой в свое время очень уж активная дружба семьями не сложилась. Пусть бабская глупая ревность – но провоцировать мужа к сравнению не в свою пользу отчаянно не хотелось... И вот Марина увела мальчика у подруги. Или – что намного вероятнее – он сам ушел. Все-таки Катина дочь – девушка очень воспитанная, и вряд ли бы она, даже влюбившись, стала ставить подруге палки в колеса. Только барышням с таким лицом и роскошной фигурой, как у Марины, и не надо ничего делать, они получают все, что захотят, и совершенно без лишних усилий...

Словно бы подслушав мысли Наталии, актриса сказала:

– Витя увидел Маринку случайно. Настя живет в соседнем подъезде, девочки учатся в одном классе, и вот как-то они столкнулись... Мариночка от меня ничего не скрывает, всегда всем делится. Дочка сразу мне призналась, что парень Насти ей очень понравился, что ей по этому поводу стыдно. Но если Маринка страдала молча, то Витя все высказал Настене прямо в лицо. Настя поссорилась и с Мариной, и с Витей. И ты представляешь, Марина, хотя и влюбилась по уши, с Витей даже говорить не желала, трубку бросала... Я думаю, если они и начали встречаться, то только потому, что Настя проявила какую-то не по годам удивительную мудрость. Она сказала, что не хочет терять ни друга, ни подругу, и если так все сложилось – то, несмотря на собственную боль, она все-таки рада счастью своих близких людей... Моя Маринка – идеалистка. Она ей поверила и все говорила мне, какая Настя замечательная.

– А ты поверила?

Катя покачала головой:

– Не совсем. Мне кажется, у Насти практичность взяла верх. Она ведь, как и Марина, в театральном собирается. Мы свою дочь толкать не будем, сама поступит, и сплетни лишние не нужны. Но за Настю мы планировали похлопотать. Господи, неужели это она? Но мне же звонил мужчина!

Какую-то долю секунды Наталии казалось, что актриса ее разыгрывает, что взрослый человек просто не может не предположить возможность сговора.

Но в глазах Кати отражалось такое искреннее недоумение, что Писаренко решила оставить последнюю реплику без ехидных комментариев и попросила:

– Знаешь что, позвони Насте, предупреди, что я сейчас к ней зайду. Хочу с ней побеседовать. Очень уж меня смущает ее не по годам развитая философская мудрость... Я к тебе, Катерина, прекрасно отношусь. Но если бы ты моего Ленку увела, я бы все космы тебе повыдергивала! Не верю я в искренность женской дружбы после того, как подруга твоего парня уводит...

* * *

– Проходите в Настюшину комнату. Она сейчас в ванной уберет и подойдет. Знаете, Карвина после прогулки помыть – это только полдела, потом еще ванную оттирать приходится. Шерсть длинная, собака встряхнется – и плитка, зеркала, все в брызгах...

Наталия краем уха слушала причитания Настиной мамы по поводу коварства пса, удравшего на помойку и перепачкавшегося с ног до головы, и все не могла оторваться от рыжего лохматого красавца породы голден-ретривер.

Карвин сразу признал в эксперте истовую собачницу, протянул влажную лапу, принес любимую игрушку, а потом просто ткнулся рыжей мордой в колени Наталии и блаженно закрыл глаза. Видимо, это означало одно – гладь меня! Других дел у людей, с точки зрения Карвина, похоже, вообще быть не могло. Эти двуногие создания, конечно, предназначались только для одного – оказывать знаки внимания красавцу Карвину.

«Даже если бы Настя хотела, она не могла бы меня расположить к себе больше, – досадовала Писаренко, почесывая ретривера за ушами. – Я обожаю собак. И мне всегда казалось, что люди, у которых есть псы, просто не могут быть плохими. Но, похоже, в любом правиле бывают исключения».

Оторвавшись наконец от разомлевшего песика, Наталия прошла в комнату и с любопытством осмотрелась по сторонам.

Постеры, ярко-розовая майка, висящая на спинке стула, стопка глянцевого журналов возле дивана – что ж, по крайней мере хоть Настя интересуется тем же, что и девчонки ее возраста.

Заметив, что лежащий на столе ноутбук не выключен, а просто переведен в ждущий режим, Наталия, с опаской посмотрев на дверь, метнулась к столу, быстро щелкнула по клавишам.

Компьютер ожил, но... Почему-то шарить по папкам уже не хотелось. Даже по заставке в общем и целом все было совершенно понятно. Похоже, размещенный на рабочем столе снимок был сделан, когда Настя еще встречалась с Виктором. Если абстрагироваться от произошедшего, красивая фотография: невысокая русоволосая девушка в объятиях двухметрового брюнета выглядит такой хрупкой; сливаясь в поцелуе, они оба закрыли глаза; сумасшедшая энергия, кажется, заполняет все пространство возле обнимающейся парочки...

Как ведет себя девушка, когда ее бросает парень? Наверное, логично избавиться от всех его мелких подарков вроде плюшевых сердечек и статуэток, удалить фотографии, стороной обходить культовые места вроде кафе или скамеек, где говорились, как когда-то казалось, важные вечные слова. Уходя – уходи. Нечего травить себе душу, постоянно напоминая об утраченной любви. Оглядываясь назад, невозможно идти вперед – это же так очевидно.

А тут, у Насти, – фотография бывшего счастья на рабочем столе ноутбука. Школьникам и студентам приходится жить в компьютере, они пользуются такой техникой очень-очень часто. Поэтому Настя смотрит на заставку рабочего стола множество раз в день.

О чем это свидетельствует?

Да все яснее ясного!

Она не смирилась.

Она хочет его вернуть.

Она никакая не мудрая... а очень мстительная... и месть действительно – такое блюдо, которое должно подаваться холодным. Настя просто решила не пороть горячку, а все как следует обдумать.

Все рассчитано правильно. Витя ведь никогда не узнает, что Марину похитили. Катя напугана возможной оглаской, преступники угрожали убить Марину, если будет обращение в милицию... А через несколько недель безо всякого выкупа девочку якобы вернут... Конечно же, мать не станет рисковать собственной дочерью и не будет посвящать ее кавалера в подробности произошедшего.

Что получается при таком раскладе?

Ловко убиты два зайца!

Сердце Вити разбито – подруга куда-то исчезла, не посчитав нужным что-либо объяснить. В каких случаях так происходит? Когда появляется третий, далеко не лишний, а раз так, кто-то должен уйти, и этот кто-то – Витя, но такие объяснения всегда очень тяжелы. Кинематографические шедевры про сбежавших невест – характерное тому подтверждение. Но тут как раз подоспеет верная, преданная Настя со своими утешениями. Вернуть парня, который уже когда-то был твоим, при таком раскладе проще простого.

И второй аспект: все знают, конкурс при поступлении в творческие вузы огромный. Но на самом деле он, конечно, еще в несколько раз выше объявляемой сумасшедшей цифры. Катя говорит, что не будет помогать дочери при поступлении. Но кто «завалит» дочь известной актрисы и знаменитого режиссера? Это же все – один круг, и кому-то может понадобится помощь, протекция, никто не решится портить отношения с Воронковыми. И таких актерских дитятток всегда поступает очень много! Так что Насте даже при получении поддержки Воронковых могут просто отказать – потому что несчастных пятнадцать мест уже заняты прямыми отпрысками нужных людей. А если Марина сходит с абитуриентской дистанции – Настя явно в выигрыше. Одним потенциально свободным местом все-таки становится больше. И поддержка Воронковых опять-таки не теряется...

Девочка все рассчитала правильно. При благоприятном раскладе никто никогда не узнает о ее причастности ко всей этой истории. Она особо ничем не рискует, она рассчитывает всех переиграть.

Что ж, надо все-таки посмотреть, что за информация у нее в ноутбуке...

Наталия щелкнула по иконке «Мой компьютер», выбрала наиболее заполненный диск из всех имеющихся, и... Первое, на что наткнулся ее взгляд: папка «Письма Вите».

«Милый Витенька. Я не могу говорить тебе всех этих нежных слов, которые до сих пор являются моими мыслями, моим дыханием. Но я ведь могу писать тебе, правда? Мне все равно, что ты никогда об этом не узнаешь. Наверное, мне даже уже не важно, где ты, с кем ты. Для меня ты всегда находишься только рядом со мной. Мы с тобой переносимся в прекрасное чудесное место. Там всегда лето, поют птицы, все наполнено ароматом цветов и свежей травы. Там бегают наши дети. Там никуда не надо торопиться и ничто не отвлекает нас друг от друга. Там я всегда могу прикасаться к тебе, целовать тебя. И мне все равно, что эта прекрасная страна является всего лишь моей фантазией. Для меня она более настоящая, чем реальные унылые дни, наполненные болью и страданием. Просто дни без тебя...»

– Вам никто не говорил, что лазить по чужим компьютерам нехорошо?

От неожиданности Наталия вздрогнула. Она быстро обернулась и увидела невысокую русоволосую девушку. Если бы ее взгляды превратились в молнии – вокруг бы все уже запылало.

– Я думаю, что лазить по чужим компьютерам – это ничуть не хуже привычки незаметно прокрадываться в комнату.

– В свою комнату! В свою собственную комнату! – гневно заметила Настя и вдруг метнулась к дверному проему, закричала: – Карвин, фу! Место!

– Гав-гав-гав! – возмутился разбалованный пес и, не обращая внимания на команды хозяйки, попытался протиснуться мимо девушки.

Он радостно сопел и вилял хвостом. Ведь ясно же – в комнате Насти находится чудесная гостя, которая умеет так классно чесать за ушами. Она еще не видела этой черной мохнатой игрушки. Сначала Карвин подразнит гостью странной волосатой штукой, а потом положит голову ей на колени. Только вот Настя ничего не понимает! И сама с ним не играет уже давно, и другим не позволяет!

– Гав! – снова выдал пес.

Наталия спокойно заметила:

– Настя, да хватит вам толкать собаку. Я вас уверяю, что уже рассмотрела черный парик во всех подробностях. Я сначала не поняла, почему вы так занервничали. Но потом вспомнила, что Катя мне рассказывала сегодня про какую-то цыганку со страшным предсказанием. Это были вы? Тогда вас можно поздравить, у вас явные актерские способности. Это же надо, так одурачить и до смерти перепугать одну из самых профессиональных актрис в нашей стране! Я думаю, теперь Карвин все-таки может войти...

– Я сама знаю, что может делать моя собака, – огрызнулась Настя. – Если вы заявились сюда, чтобы шарить в моем компе, выдвигать глупые обвинения и давать советы насчет Карвина, то ваша миссия, я так понимаю, уже выполнена? У меня нет никакого желания с вами общаться!

– Потерпите немного. Я только хочу сказать, что знаю все о вашем плане. И я собираюсь пойти в милицию. Вы зашли слишком далеко. Я просто не позволю, чтобы с Мариной что-то произошло. Поверьте, это в ваших интересах – просто сказать мне, где ваши сообщники прячут Марину...

Весь вид Насти выражал холодное презрение. Закатив глаза к потолку, девушка пробормотала:

– Говорят, мудрость приходит с годами. Но это тот самый случай, когда возраст пришел один! Или в компании старческого маразма!

– Огрызайтесь сколько хотите. – Наталия расстегнула висевшую на плече сумочку, достала удостоверение в красной, как и у сотрудников милиции, корочке. – Я вас уверяю, что нам будет очень легко вывести вас на чистую воду. А парик, – Писаренко сурово сдвинула брови, пугать так пугать, – я изымаю на экспертизу!

Карвин послушно разжал пасть. Хотя по его расстроенной морде явно читалось: как жаль расставаться с такой классной штуковиной...

Наталия с треском захлопнула за собой дверь, спустилась вниз на несколько пролетов, а потом присела прямо на ступеньки.

Грубо все получилось. Все карты раскрыты. Если у Насти окажутся крепкие нервы и она просто не станет пороть горячку и разыскивать своих подельников – то, наверное, действительно придется обращаться в милицию. Только...

Мысли внезапно оборвались. Наталия вдруг услышала, как хлопнула дверь квартиры – судя по звуку, возможно, именно Настина. А потом раздался возбужденный детский голосок:

– Витя, послушай, все осложнилось. Я даже вот из дома вышла, чтобы с тобой переговорить, боюсь, мама услышит. Короче, ко мне только что приходила какая-то тетка. Она что-то подозревает. Нам надо перепрятать Марину, дача моих родителей – это слишком рискованно. У меня такое чувство, что эта тетка все знает. Что значит – у тебя нет машины? Тогда надо найти! Тетка пошла к ментам, нельзя терять времени!

Витя...

Дача ее родителей...

Когда Настя вернулась к себе, Писаренко сразу же достала сотовый телефон.

– Катюша, все в порядке, – затараторила она. – Я думаю, что скоро найду девочку. Подскажи мне адрес дачи Настиных родителей. Нет, прямо у Настиной мамы не спрашивай. Да, лучше позвони соседу...

* * *

Она ничуть не изменилась за то время, что я ее не видела.

Те же рыжие волосы, ехидная улыбка, пронизательный взгляд.

Помню, в детстве мне всегда было не по себе от ее взгляда.

Наталия просто здоровалась со мной, а мне казалось, что она все знает про вырванную из дневника страницу и про то, как я дописала напротив своей фамилии в школьном журнале хорошую оценку...

Конечно же, она сразу поняла, что никто меня не удерживает насильно.

Я так понимаю, прежде чем войти в дом и устроить тут последний день Помпеи, она наблюдала в окно, как я спокойно перемещаюсь по комнате, смотрю телевизор, пользуюсь телефоном...

– А ну рассказывай, что все это значит? Ты хотя бы о матери подумала! На ней лица нет! Ты понимаешь, что есть вещи, которыми шутить нельзя! – орет Наталия. Устав, она безошибочно находит кухоньку, я слышу, как звякают чашки и льется вода. Потом Писаренко кричит еще громче: – Мне больше делать нечего, как тебя, поганку, разыскивать! Я сегодня весь день не жрамши, то трупы, то пропажа вот такой засранки, как ты. А теперь давай, все четко и по пунктам, как в армии: что произошло? Я с тобой разговариваю, между прочим!

Честно говоря, я совершенно не знаю, что ей сказать.

Она в принципе мне нравится, даже с учетом того, что из-за нее весь мой план полетел в тартарары, и Наталия орет так оглушительно, что у меня звенят барабанные перепонки. Просто эта женщина – из моего детства. Там было мало людей. Мама на съемках, папа на съемках. У

меня никогда не было няни, родители со спокойным сердцем оставляли меня одну. Я умела поддерживать порядок, жарить картошку, не спускать сразу все деньги на мороженое. Может, они считали, что этого достаточно для такой самостоятельной девочки? Только вот не общаться ни с кем я так и не научилась. Сначала во время отсутствия родителей ко мне часто заходила бабушка. Как я радовалась! Бабуля терпеливо выслушивала все мои детские обидки. «Я вот вырасту и тоже уеду. А маме с папой будет грустно, они станут плакать и говорить: «Марина, вернись!» А я все равно не приеду», – озвучивала я бабуле план моей яростной детской мести. Только потом бабушка умерла, и разговаривать стало не с кем.

Меня спасали книги. Я приходила из школы и, наскоро пообедав, ныряла в очередной том. Мушкетеры и Анжелика, Раскольников и Пьер Безухов, герои Золя, Бальзака, Мопассана... Все это – мое детство, мои друзья. Чем старше я становилась – тем больше удовольствия начинали доставлять мне книги. Для меня чтение уже не было просто способом проведения времени. Я училась отмечать красоту стиля, богатый лексикон, знание писателем психологии или безудержный полет фантазии. Весь этот мир казался мне настоящим и искренним. В отличие от актерского, наигранного, искусственного, фальшивого.

В пятнадцать лет я поняла, что, несмотря на то, что я могу стать актрисой, мне меньше всего на свете хочется заниматься этим делом. А больше всего тянет работать с книгами. Филфак, литературный институт – я готова поступать куда угодно, лишь бы мне разрешали вдоволь копаться в моих любимых книгах. Но вот родители... Они продумали мою жизнь до мелочей, они не сомневались в том, что я должна поступать в театральный. Я еще пачкала пленки, а они уже мечтали о том, как я буду покорять зрителей. Это была такая напоенная соками мечта, такая непоколебимая уверенность, это разрослось до Джомолунгмы, и дух захватывает, и серебристый снежок вершины цепляется за облака. Кто я против этой горы? Никто. Глупый, ничего не соображающий ребенок. Несмышленная девица. Родители лучше знают, что надо их детям. Потом еще сама благодарить буду...

Впрочем, я никогда не обсуждала эту тему с родителями. Хотя уверена, что они сказали бы именно такие слова.

Я очень люблю своих мамку и папку.

Но даже ради них я не могла получать эту ненавистную профессию. Наверное, правду говорят: гены пальцем не выколупаешь. Снимавшие меня режиссеры, коллеги-актеры, даже собственные родители – никто не подозревал, как меня тошнило от всего этого действа. Только один аспект меня радовал – с гонораром можно отправиться в книжный магазин и там ни в чем себе не отказывать...

Конечно, иногда я думала – а может, все-таки попробовать побороться? Ну не звери же они, в конце концов, не будут насильно меня тащить на экзамены. Все это так, но... Мама никогда не разрешала мне носить рваные джинсы с бахромой – настоящие леди ведь всегда одевают платья. То, что я не хотела быть леди, то, что это она решила, будто мне надо становиться леди, – мамулю волновало мало. А папка купил мне не «Макбук», а «Сони-Вайку». Якобы потому, что «Сони» на винде, а с ней совместим весь софт. Но мне были не нужны ни софт, ни винда, ни «Сони» – я хотела попробовать изучить именно макос, но папка все, конечно же, знал лучше меня.

Если они ни разу не уступили в мелочах – они разве окажутся сговорчивыми по более серьезному вопросу?..

Мой план сформировалась еще в прошлом году. Я поняла, что не поступить в театральный я смогу по одной причине – пропуск всех экзаменов. И, кстати говоря, в этом ничего страшного, так как и на филфак, и в литературный институт экзамены сдают позже.

То есть надо где-то перекантоваться две недели... И сформировать у родителей стойкое убеждение, что если я пропущу год и не поступлю хоть куда-нибудь – то со мной случится

что-то страшное и ужасное. И будет год обучения в вузе, который мне интересен. Мне, а не родителям! А потом я еще что-нибудь обязательно придумаю...

Ближе к вступительным экзаменам я все рассчитала с дотошностью полководца, планирующего операцию.

Настя в образе цыганки сделает моей мамуле страшное предсказание, из которого станет ясно, что, если я в этом году никуда не поступлю, мне кранты.

Витя возьмет у друзей машину и меня похитит. Это надо на тот случай, если вдруг родителям придет в голову попытаться меня искать. Пусть найдут свидетелей «похищения» и поймут: все очень, очень серьезно.

А перекантоваться можно на даче у родителей Настьки. Домик потихоньку разваливается; денег, чтобы чинить его, как объясняла Настя, у родителей нет, вот они туда и не ездят, чтобы не расстраиваться.

Я доверяла Насте и знала, что она меня никогда не подведет. Несмотря на то, что все между нами запуталось: я люблю Витю, Настя любит Витю, а наш избранник любит то меня, то Настю. Впрочем, пролив немало слез, мы дружно решили, что этот аспект всегда будет за скобками нашей дружбы...

Все складывалось удачно.

Я сообщила Насте, каким поездом приезжает моя мама. Подруга в гриме и костюме (парик шикарный, лицо закрывает полностью! А еще мы купили карие линзы без диоптрий, делающие голубые Настькины глаза пронзительно-черными) смотрелась на вокзал, напугала мамулю.

Витя, как заправский бандит, взял у друга машину и меня похитил. Вот это стало для меня настоящей неожиданностью, мы договаривались, что он заберет меня завтра, но у владельца машины были другие планы, так что пришлось поторопиться.

Потом Витя позвонил маме и из кружки провыл: «Вы только не волнуйтесь и в милицию не ходите». Идиотизм, конечно... Но мне хотелось как-то успокоить маму и удержать ее от похода в милицию.

Конечно, мне было очень жалко родителей.

Но еще больше мне было жалко себя!

У меня всегда воровали лето. Я хотела загорать, я обожаю солнце, это мой наркотик – а мне всегда приходилось сниматься.

У меня воровали лето, и я решила не допустить, чтобы украли всю мою жизнь.

И вот теперь я пытаюсь все это объяснить Наталии; и по ее колючим глазам мне кажется, что она ничего не понимает; но я готова встать на колени – лишь бы она только не говорила маме, где именно я нахожусь.

Хочу заниматься книгами.

Не хочу играть.

Господи, пожалуйста, помоги мне! У меня не было детства, не было лета – но я хочу жить своей жизнью, что в этом плохого...

– Ох, девушка, как с тобой все сложно, – вдохнула Наталия. – И тебя мне жаль. И мама твоя с ума сходит. Что мне делать?

Я пожимаю плечами. А Наталия вдруг расстегивает сумочку, достает портмоне, вытряхивает монетку.

– Орел – ты остаешься, решка – едем к маме, – говорит Писаренко. И, зажмурившись, бросает монету вверх.

Страх мгновенно придавливает мне веки.

Секунды становятся километровыми.

Весь пульс жизни бьется в моем сердце.

Мы вместе открываем глаза, невольно улыбаемся и наклоняемся к полу.

Орел.

Орел! Орел! Орел!

Значит, я буду жить своей жизнью!

А маму Наталия уж как-нибудь успокоит. Такие, как она, это точно умеют делать...

Дарья Калинина

Летний дворец

Солнечные лучи заливали пол городской квартиры, где на нежном шелковом ковре, привезенном из Турции, устроились две девушки. Они с интересом разглядывали карту области и, время от времени тыча в нее пальцем, шумно спорили друг с другом.

– Не хочу сюда, тут болото. А на болоте всегда комары!

– Не хочу туда. Это же глухомань! Там даже дискотеки приличной нету.

– Не хочу сюда, тут нету озера.

– Не хочу, там на много километров вокруг нет никакого снабжения. Где я возьму свежие продукты?

– Здесь нет хороших дорог. Если сломается машина, как мы с детьми доберемся назад в город?

Звали девушек Варя и Тата. И были они родными сестрами. Варвара и Наташа Казарины. Так уж получилось, что все семейство Казариных было представлено исключительно женским полом. Главой семьи – его матриархом являлась бабушка Александра Сигизмундовна. Второе, и тоже очень почетное, место занимала ее дочь и мать обеих сестер – Евгения Сергеевна. Третье место делили между собой сестры. И заключали список самые младшенькие – две близняшки, Света и Анютка, – дочери Вари.

У Таты детей пока не было. Но это не значило, что она их не хотела. Младших в семье любили все. И баловали их просто безбожно. Девчонки получали все самое лучшее, свежее, рыночное и экологически чистое. Благо семья могла себе это позволить. Женщины в средствах не нуждались. И благодаря Евгении Сергеевне, владевшей сетью аптек, никаких финансовых трудностей семья уже давно не испытывала.

Вот и этой весной во время семейного завтрака на просторной кухне, обставленной дорогой итальянской мебелью из цельного ореха, бабушка решительно заявила:

– Детям нужен свежий воздух!

Ее фраза повисла в воздухе, потому что перед этим речь шла о том, как лучше вывести пятна со старинной скатерти, которую маленькая Анютка художественно украсила отпечатками своих лапок, вымазанных в черносмородиновом варенье.

– Воздух? – пробормотала Евгения Сергеевна. – Мама, что ты имеешь в виду?

– Свежий воздух! И много солнца! Летом детям нужна дача!

С бабушкой в семье никогда не спорили. Во-первых, дело зряшное, переспорить старуху еще ни у кого из ее потомков не получалось. А во-вторых, бабушка в результате всегда оказывалась права. Вот и в этот раз она сказала чистую правду. Летом детям нужен свежий воздух, много солнца и ягоды с грядки. А где такое получишь? Только на даче.

– Снимать не будем, – опять же решила бабушка. – Не хочу спать на чужих кроватях! Купим свою. Евгения, надеюсь, финансово мы это потянем?

– Разумеется.

– Вот и отлично. Подбором вариантов займется девочка.

Под девочками бабушка подразумевала Наташу и Варвару. Младшим девочкам было всего по три годика. Так что они в дачах еще ничего не понимали. И умели лишь радоваться той легкой и беззаботной жизни, которую организовали для них старшие женщины.

Покупка летней фазенды дело далеко не простое, а очень хлопотное и суетливое. И Варя с Наташей отлично это понимали. Во-первых, нужно определиться с местом, где будет находиться ваше будущее приобретение. Во-вторых, выяснить, подходит ли вам сам дом. И наконец, третье, но далеко не самое последнее, – это оформление всевозможных бумаг и докумен-

тов. А как вы хотели? В цивилизованном мире без бумажки ты кто? Правильно, никто и даже меньше того.

Поэтому, чтобы не стать жертвой обмана, сестры обратились в риелторскую контору, специализирующуюся на продаже загородной недвижимости.

– Вы уже выбрали направление? – первым делом спросили у них.

– Мы бы хотели у воды, – робко заикнулась Варя.

– Только Карельский перешеек и только на заливе! – более конкретно объявила Тата. – И не вздумайте предлагать нам места ниже дамбы. Не хотим плескаться в собственных испражнениях.

– Ну зачем вы так, – смутился риелтор – довольно привлекательный дяденька лет тридцати с небольшим.

Тата даже прикинула, не положить ли на него глаз. Да, можно положить. И уже более требовательно, так сказать, с основанием она высказала агенту следующие свои претензии:

– Не дальше семидесяти километров от города. Чистый песчаный пляж с дюнами не более чем в пятистах метрах от дома. Сам дом пусть находится где-нибудь в районе Зеленогорска, чтобы можно было по вечерам не сидеть у своих грядок, а культурно развлекаться.

– Ну и запросики у вас! – поразился Альберт Юрьевич, их риелтор. – Вы хотя бы примерно представляете, сколько стоит земля в тех краях?

– Представляем. Но мы же не требуем огромный участок. Нас вполне устроят соток десять. И дом не нужно огромный. Четыре-пять обустроенных комнат, кухня, ванная с туалетом – вот и все, что нам нужно.

– Значит, и вода с туалетом должны быть в доме?

– А как же иначе? – удивилась в ответ Тата, которая родилась поздней Варвары и не застала период голодного существования семьи.

Когда-то, оставшись без мужчин-кормильцев, семья Казариных очень бедствовала. Но тогда Тата была слишком маленькой, чтобы помнить, как ее мама не имела возможности купить только-только появившиеся в стране подгузники. И пеленала дочь в обычные марлевые, промокающие почти мгновенно. Но очень быстро Евгении Сергеевне это надоело, и она задумалась о том, что же изменить в своей жизни. А задумавшись, открыла небольшой аптечный киоск, благо сама по образованию была торговым работником, а ее мама – тогда еще вполне дееспособная Александра Сигизмундовна – фармацевтом.

В результате все сложилось наилучшим образом. Бабушка сидела в ларьке. Мама добывала товар, бегая савраской по складам и закупочным базам. А Варе досталось заботиться о младшей сестренке. Но к тому времени, когда Тата пошла в школу, ларек уже превратился в две приносящие стабильный доход аптеки. А со временем их число увеличилось еще в несколько раз, увеличив соответственно и доход семьи. Вокруг стали появляться обеспеченные и даже богатые люди. Так что Тата просто не представляла себе, как это может быть, чтобы не было воды в дачном доме или туалет находился на улице.

– Не знаю, не знаю, – с сомнением протянул Альберт. – На вашу сумму в районе Финского залива у Зеленогорска вы сможете приобрести разве что курятник.

После просветительной беседы с матерью сумма на покупку дачного домика была увеличена. И Альберт начал предлагать свои варианты. Но все равно, на взгляд Таты, это были курятники.

– Не могут же мои племянницы жить в деревянной хибаре, у которой фундамент уже просел. И крыша течет. Покажите нам что-то другое.

Варя была настроена более реалистично.

– Крышу можно починить. Фундамент поправить. Зато место какое чудесное. Посмотри, стоит перейти дорогу, как мы оказываемся на заливе.

– Тогда лучше купить голый участок и построить там новый дом!

Но такие участки были на вес золота. И в конце концов сестры остановили свой выбор на небольшом, но еще довольно крепком домике.

– Один сезон проживем в нем. А за это время построим себе на свободном месте приличный дом из камня. А этот деревянный превратим в гостевой.

Альберт всюду мотался вместе с сестрами. Кажется, чары Таты на него подействовали. Во всяком случае, он стал появляться у них дома, прикладываться к морщинистой ручке бабушки и дарить Евгении Сергеевне букеты цветов и коробочки с хорошими шоколадными конфетами. Одним словом, Альберт имел в отношении Таты самые серьезные намерения, что не укрылось от зорких глаз Александры Сигизмундовны.

– Ох, Татка, все бы тебе хвостом вертеть. Поверь мне на слово, нужно хватать поклонника, пока молодая!

– Почему, бабушка?

– Мимо тебя пройдет, жалеть будешь. А парень он положительный. Мне он нравится. Выходи за него замуж, а то потом поздно будет.

Быть может, в словах Александры Сигизмундовны и была своя правда. Но самолюбивая Тата признать ее упорно отказывалась. Как же так? Ведь она такая молодая и красивая! Не может Альберт вдруг взять и исчезнуть. Он по ней сохнет!

Варвара в эту любовную историю не вмешивалась, хотя Альберт ей, честно говоря, не слишком нравился. Было в нем что-то такое неуловимо скользкое, что заставляло Варю думать: не любит Альберт ее сестру.

А между тем он стал появляться у них дома все чаще и чаще. И очень скоро превратился почти что в друга семьи. Ну если и не в друга, то уж точно в очень хорошего знакомого. Сделка с покупкой дачного домика была давно и успешно совершена, дача перешла в собственность семьи Казариных, казалось бы, надобность в Альберте отпала. Но он никуда не исчезал. И продолжал свое несколько затянувшееся ухаживание за Татой.

– А ведь мы скоро станем с вами соседями, – как-то невзначай обронил он.

Девушки тогда не обратили никакого внимания на это высказывание. И вдруг через пару дней июльским солнечным утром Альберт позвонил Тате на трубку и сказал:

– Заеду за тобой через десять минут. Будь готова. Повезу показывать свой новый особняк.

– Особняк? – лениво переспросила Тата, которая как раз в этот момент сидела на их старомодной веранде и подсчитывала, сколько цветных стеклышек не хватает в разошедшихся рамах. – Какой еще особняк?

– Всего в паре километров от вас. Знаешь поселок «Тихие зори»?

– М-да, – произнесла Тата, чувствуя, как в ней зарождается нечто похожее на интерес. – Конечно, знаю.

– Вот туда и поедem.

Альберт повесил трубку. А Тата, забыв про все свои планы на сегодняшний день – загар, водные процедуры и тому подобное, – помчалась со всех ног к старшей сестре. Варвара купала своих дочек в надувном бассейне и тоже удивилась:

– Ты все поняла верно? Может быть, не расслышала название? Может быть, «Яркие зори»?

– А такие тут есть?

– Не знаю.

– Так чего тогда придумываешь! – обозлилась Тата.

– Но «Тихие зори» – это страшно дорогой поселок. Ты же видела, там каждый домик как маленький замок. Одни ажурные решетки стоят дороже, чем вся наша хибара вместе с участком.

– Знаю! – возбужденно шагая взад и вперед, произнесла Тата. – Не глупей тебя!

– И как, по-твоему, работяга Альберт мог приобрести себе там дом?

– Не знаю.

Но по голосу сестры Варвара поняла, что та обязательно поедет с Альбертом и все выяснит.

– Я тоже с тобой поеду! Что ты так на меня смотришь? Мне тоже любопытно, что все это означает.

Своих близняшек Варя сбагрила бабушке, у которой сегодня как раз был выходной, и она страшно обрадовалась возможности провести его с обожаемыми внучками. А обе девушки в нетерпении приплясывали возле ворот, ожидая условного гудка машины Альберта.

Всю дорогу Альберт хранил загадочное молчание. И честное слово, если бы дорога была хоть самую малость длинней, сестры бы просто скончались от любопытства.

– Шикарно живут люди, – вырвалось у Вари, когда они оказались у массивных ворот коттеджного поселка.

О том, что поселок действительно высший класс, говорило уже то, что он был со всех сторон обнесен массивной кирпичной стеной, украшенной по верху красивой ажурной решеткой. Из-за стены были видны только крыши и флюгера домов. Но и они производили неизгладимое впечатление на слабые женские умы.

– Странно, что у ворот ежеминутно не караулят свое счастье молодые и незамужние девушки. Тут же живут одни миллионеры!

– Караулили, – кивнул Альберт. – Но охрана быстро положила конец этому безобразию. Теперь в поселок могут войти только те, кто тут живет, или их гости.

Чувствовалось, что Альберта прямо распирает от гордости за самого себя. Но он крепился и молчал. На входе он показал охраннику какую-то бумажку вроде пропуска, и они очутились в запретном раю.

– Потрясающе! Обалдеть! Ну и ну!

Только это и могли произнести сестры, пока Альберт нарочито медленно вел свою весьма потрепанную жизнью и временем «Киа Спортадж» по аллеям поселка. Наконец он остановился у дома, выкрашенного нежно-кремовой краской, и с облицовкой из натурального камня.

К дому вела широкая дорожка, выложенная мрамором. По обе ее стороны стояли чугунные светильники в форме деревьев. А вокруг дома раскинулся чудный цветник, разбитый по всем правилам ландшафтного искусства – изумрудно-зеленый газон украшали пышные яркие пятна многолетников, хвойные, рододендроны и прочие экзотические растения.

Альберт помог сестрам выйти из машины и, горделиво обведя вокруг руками, произнес:

– Вот и мой дом! Ну что? Нравится?

Сестры молчали. О чем тут говорить, когда слов просто нет!

– И этот дом принадлежит тебе? – выдохнула Тата.

– Да!

– Врешь!

– Вы не поверите, со мной случилась потрясающая история. Мне просто феноменально повезло!

И Альберт выложил им действительно невероятную историю. Оказывается, иметь загородный дом было его заветной мечтой с самого детства. Другие мальчики мечтали о машинах, красивых женщинах или новых джинсах, а он мечтал о шикарном загородном доме. Почему-то именно загородный особняк являлся для юного Альберта воплощением респектабельности и солидности, основой будущей роскошной жизни.

– Квартира – это ерунда. А вот дом, да еще в фешенебельном месте, – это внушительно и солидно!

Но Альберт прекрасно понимал, что его доходов вряд ли хватит даже на покупку крохотного сарайчика в курортном районе. Что уж говорить о более монументальном приобретении.

– И тут мне повезло! Сказочно! Невероятно! К нам обратилась наследница одной скончавшейся недавно старушки. И пожелала, чтобы я занялся продажей ее дома.

Дом перешел наследнице от ее бабушки. Находился он на побережье Финского залива, построен был всего пять лет назад, и поэтому Альберт охотно взялся за эту сделку. Каково же было его удивление, когда он прибыл на место и вместо ожидаемого бревенчатого сруба обнаружил настоящий дворец.

– И за все это вы хотите всего сто тысяч долларов? – не веря тому, что все происходит с ним, прошептал парень. – Но ведь это сущие гроши. Дом стоит раз в десять дороже.

Но наследница его словам не вняла. Вообще девица показалась Альберту несколько чокнутой. Одета она была в просторные полотняные штаны, украшенные многочисленными кожаными фенечками и камушками, и безразмерную рубаху с изображением просветленного Будды. На груди и шее красавицы висели многочисленные ожерелья и амулеты. Дополняли наряд также несколько четок и странный колокольчик, которым девушка звонила вокруг себя каждые десять минут.

Бела девица себя соответственно. Постоянно бормотала молитвы на странном наречии, завывала и по дороге в поселок несколько раз впала в медитативное состояние. Одним словом, Альберт понял, что этот цветок жизни к самой жизни совершенно не приспособлен.

– Вы получите гораздо больше, чем просите.

– Да? – равнодушно произнесла девушка. – Но деньги не являются для меня смыслом жизни. Есть они – хорошо. Нет, тоже не беда. Нужно уповать на милость Вселенной, и каждый день у тебя будет все, что необходимо для жизни.

Альберт попытался переубедить странную наследницу, но вовремя спохватился. Зачем он это делает? Нужно не переубеждать явно свихнувшуюся на своем Будде девицу, а воспользоваться моментом. Взять да и купить у нее за гроши этот дом!

– Через неделю я уезжаю в Индию, – сообщила Альберту девица. – Хочу, чтобы за это время мы с вами завершили сделку.

– Неделя? Но это же невозможно!

– Мне все равно. Неделя, или я продам дом в другом агентстве.

И Альберт решился. Девица была явно не от мира сего. Так какая разница, где и как ее обманут? Пусть уж лучше это сделает он, чем какие-нибудь конкуренты из другого риелторского агентства.

Альберт побегал по банкам, заложил свою квартиру, влез в долги, но требуемую сумму набрал почти полностью.

– Покупатели предлагают вам девяносто семь тысяч долларов, – произнес он, внутренне содрогаясь при мысли, что девица сейчас пошлет его куда подальше.

Она и так просит за дом копейки. А он еще три тысячи не хочет ей заплатить. Но девушка лишь равнодушно пожала плечами и сказала:

– Согласна. Где и что я должна подписать?

Альберт подsunул ей бумаги. И, не веря еще в то, что сделка свершилась, закрыл глаза. Когда он их открыл, странной девицы уже не было. Деньги тоже исчезли. Но это ничуть не расстроило Альберта. Что деньги! Он стал владельцем шикарного, комфортабельного дома. И если даже он не сможет им владеть, так как это удовольствие не из дешевых, он всегда сумеет его продать во много раз дороже, чем приобрел.

От радости Альберт в одиночестве напился. Почему в одиночестве? Да потому что близких друзей у него не было. С женой он развелся еще в прошлом году. Родители жили отдельно. Так что пил Альберт один. И впервые в жизни он напился и просто вырубился. Снился ему ужасный сон. Его бывшая жена, с которой он расстался не совсем по-дружески, явилась ему во сне и ужасно, издевательски хохотала. Альберт проснулся в холодном поту и сразу же помчался принимать холодный душ.

Но про это он в своем рассказе умолчал. А Тата с Варей ходили по дому, разинув рты.

– Да тут целых четыре спальни! Гостиная! Столовая! Библиотека! С книгами! Слушай, а книги она тоже тебе оставила?

– Дом продавался со всей обстановкой, – важно пояснял Альберт, который чуть ли не лопался от самодовольства.

Когда они осмотрели первый этаж и поднялись на второй, Тата начала мрачнеть.

– Что с тобой? – спросила у нее Варя.

– Да ведь мы с тобой заплатили за свой деревянный клоповник немногим меньше. А разве наш домик можно сравнивать с этим дворцом?

– Мне наш даже больше нравится. Он такой уютный. И мы его уже хорошо обжили. И девочкам там нравится.

– Нравится! – скривилась Тата. – Да что они понимают, малявки! Тут бы им еще больше понравилось! Это же настоящий дворец! Представляешь, как бы все наши друзья отреагировали на такую покупку?

– Не завидуй.

Но Тата завидовала. Завидовала изо всех сил. Ей стоило огромного труда не показывать своих чувств. Но Варя видела, что сестра едва сдерживается, чтобы не наговорить Альберту гадостей. Это или что другое повлияло на последующие события, сказать трудно. Но, бесспорно, Альберт раздувался от гордости слишком рано. Зря он торжествовал. Потому что уже буквально через минуту внизу раздался женский голос, который произнес:

– Это кто же тут орудует в моем доме?

Альберт побагровел и кинулся вниз. В холле стояла пожилая женщина, которую язык как-то не поворачивался назвать старушкой. Хотя лет ей явно было немало, бабуля была одета в спортивный костюм, удобные спортивные же тапочки и держала на сгибе локтя небольшую спортивную сумку. Одним взглядом Тата оценила стоимость экипировки и покраснела. При всех доходах своей мамы она вряд ли смогла бы позволить себе такие вещи.

– Вы кто? – подскочил Альберт к старушке. – Кто вы такая?

– Кто я? Милый мой, лучше скажи мне, кто ты? И почему находишься в моем доме, хотя, помнится, я тебя не приглашала.

– Это мой дом!

– С каких пор? – искренне изумилась пожилая дама. – Дом принадлежит мне.

– Прежняя хозяйка умерла, и я его купил у наследницы.

– Умерла? Нет, уверяю тебя, тут какая-то ошибка. Я – хозяйка этого дома. И я вполне жива и дееспособна. Только что вернулась из путешествия на Мальту. Чудный остров, жаль, что там слишком много стариков. А что тут происходит?

На Альберта было жалко смотреть. Он весь взмок. Пот стекал с него буквально ручьями.

– Покажите документы, – выдохнул он, обращаясь к пришельце.

– С удовольствием. А ты, мой милый, покажи мне свои. Или лучше вызвать охрану?

– Не нужно охраны!

Альберт вытащил документы.

– Вот купчая на дом. Вот мой паспорт. Вот копия завещания. Вот копия свидетельства о смерти. Убедитесь, что все в полном порядке.

Старушка просмотрела документы и покачала головой:

– Все верно.

– Вот видите!

– Все верно за исключением последнего – свидетельства о смерти. Оно явно фальшивое.

– Как фальшивое?

– Посмотрите на меня, молодой человек. Разве я похожа на холодный труп?

– Вы? Нет. Но...

– Вот мой паспорт, – сухо произнесла старушка.

Альберт схватил ее документ и впился глазами. Он рассматривал его долго. Сверил каждую букву и циферку. И наконец вернул паспорт владелице.

– Ничего не понимаю, – пробормотал он. – Но как же завещание?

– Завещание подлинное. Я действительно планирую оставить все свое имущество внучке. Хотя она у меня и дурочка, ударилась в буддизм, но никого другого на всем белом свете у меня нет. Пусть девочка делает с моим имуществом, что захочет, но... но только после моей смерти.

– Смерти?

– Хочет, пусть пустит пепел от денег по ветру над Гангом, хочет, пожертвует их в монастырь или раздаст своим чокнутым друзьям. Мне-то будет уже все равно.

– Боюсь, что мне не все равно. Ваша внучка – аферистка! Она меня обманула! Сказала, что вы мертвы. Показала мне фальшивое свидетельство о смерти. И я купился на подлог!

– Мне очень жаль. Но я-то тут при чем? Весь спрос с внучки. Я пока что жива. И следовательно, тебе, мой милый, лучше покинуть этот дом.

Альберт выглядел так страшно, что сестрам подумалось, как бы он не пристукнул старушеницу. Если бы он находился с ней наедине, возможно, хозяйке дома грозила бы нешуточная опасность. Обманутый в своих надеждах стать домовладельцем, Альберт мог действительно придушить так несвоевременно воскресшую владелицу особняка.

– Господи, ну почему вы не вернулись днем раньше? – простонал несчастный Альберт. – Тогда еще можно было бы все изменить!

– Молодой человек, мне очень жаль, но сейчас вам лучше уйти.

– По документам дом мой!

– По каким документам? Сделка уже прошла регистрацию?

– Что?

– У вас на руках только заверенная у нотариуса купчая. А она без свидетельства о государственной регистрации не больше чем просто красивая бумажка. Вы же сам риелтор. Вы должны это понимать лучше остальных.

Альберт выглядел ужасно. Пошатываясь, он направился к выходу.

– Катастрофа! – шептал он побелевшими губами. – Я разорен! Мне конец! Я никогда не смогу отдать долги. Придется продать квартиру. Столько усилий, и все напрасно!

Сестры поспешили за ним следом. Как бы они ни относились к Альберту, оставить его в данной ситуации одного и позволить сесть за руль значило погубить парня. Так что за руль села Тата. А Варя усадила ничего не понимающего и находящегося в состоянии шока Альберта на заднее сиденье.

– Все в порядке, – пыталась она успокоить парня. – Это всего лишь деньги. Подашь в суд. Тебе их вернут.

– Кто? Эта буддистка? Да она их уже профукала!

– Может быть, все не так страшно. Не переживай.

Доставив пошатывающегося от горя Альберта к себе на дачу, сестры поручили его заботам своей бабушки, которая, как уже говорилось, была фармацевтом и хорошо разбиралась, когда и какую таблетку человеку дать. Вот и сейчас она сунула Альберту пару каких-то крохотных белых пилюль, после приема которых несчастный затих, а потом, засопев носом, заснул.

Убедившись, что в ближайшее время Альберту ничто неприятное больше не грозит, сестры пошли на лужайку, подальше от работающей бетономешалки. У них на участке вовсю шло строительство нового дома, который должен быть просторным и обязательно (требование Таты) с туалетом внутри.

– Не нравится мне эта история, – задумчиво произнесла Варя, устроившись в гамаке между старыми соснами.

– А мне, думаешь, нравится? Бедный Альберт. Вот это называется попал так попал!

- Я о другом.
- О чем же?
- Больно уж своевременно появилась старуха. Альберт еще не успел толком осознать себя владельцем дома, а она уже тут как тут.
- Так совпало.
- Ах, совпало! А ты скажи, откуда эта старушенция узнала, что наш Альберт по профессии риелтор? А?
- А ведь верно! – Тата разинула от удивления рот. – Откуда?
- То-то и оно. Что-то тут одно с другим не связывается.
- И что ты предлагаешь?
- Нужно помочь Альберту.
- Но как?
- Выяснить, что произошло на самом деле.
- Так, а что тут выяснять? Альберта кинули. И сделала это внучка старушенции.
- Вот это нам и нужно выяснить, – спокойно кивнула Варя и спросила: – Ты запомнила данные внуки?
- Да. Елистратова Татьяна Владимировна.
- Интересно.
- Что?
- А старушку зовут Серова Владлена Ивановна. Фамилии у бабушки и внуки разные.
- Такое сплошь и рядом случается.
- М-м-м... Тащи сюда мой ноутбук. Сейчас посмотрим, что это за Серова такая. Выглядит она не совсем обычно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.